

Ярдар Остбё

Исключая Запад: романтико-реалистический образ Европы у Наталии Нарочницкой

«Мы и есть настоящая Европа. [...] Россия — это и есть истинная Европа, без господства "голубых", без браков педерастов, без лжекультуры панков, без лакейства перед Америкой. Мы и есть — истинные европейцы, ибо и сохранились, потому что мы всякий раз доказывали свою европейскость в войнах и с крестоносцами, и с монголами»¹.

Дмитрий Rogozin

В этой статье рассматривается проблема конструирования образа Европы в господствующем российском «романтико-реалистическом» внешнеполитическом дискурсе. Здесь показывается, что усилия Наталии Нарочницкой определить значение «Европы» через призму исторического нарратива российско-европейских отношений укоренены в романтическом национализме и псевдо-реалистическом взгляде на международную политику. Учитывая тот факт, что вечное противостояние Добра и Зла понимается как движущая сила этого нарратива, образ Европы представляется в абсолютистской манере, не оставляющей пространства для диалога, так как противоположные взгляды отвергаются как еретические.

Введение: Романтико-реалистическая гегемония

«Запад» и «Европа» являются основными отправными точками для конструирования российской национальной идентичности. В то время как российская идентичность зачастую определяется в противопоставлении «Западу», ее отношение к Европе является объектом постоянных дискуссий. И если в российском дискурсе Россия часто рассматривается как европейская нация, это обычно не воспринимается однозначно ни россиянами, ни (другими) европейцами².

Начиная с XVIII века, российский дискурс тяготел к производству такого образа Европы, с которым Россия могла бы себя идентифицировать – то есть с тем,

¹ Rogozin D., Bondarenko V. «Мы и есть настоящая Европа» (Беседа с Владимиром Бондаренко) // Завтра. 2004. № 1 (89). <http://www.zavtra.ru/denlit/089/131.html>. Последнее посещение 20 апреля 2009.

² Morozov V. Inside/Outside: Europe and the Boundaries of Russian Political Community // PONARS Working Paper. 2004. P. 1.

что Ивэр Нойманн называет «настоящей Европой»³. В некоторой степени это является проекцией того, что воспринимается как «российские ценности»⁴. С другой стороны, существует «фальшивая Европа», которая в своем крайнем проявлении является отрицанием того, что воспринимается как российские ценности. Таким образом, в российском дискурсе о Европе присутствует механизм включения и исключения: Россия ревностно включается в состав «настоящей Европы», в то время как государствам, которые обычно – и особенно в собственных глазах – видятся европейскими, полностью или частично отказывается в этом статусе.

Это разграничение настоящей и фальшивой Европы, по всей видимости, занимает важное место в современном российском внешнеполитическом дискурсе. Один из примеров – отношения России со странами Прибалтики. После распада Советского Союза возникла тенденция: чтобы доказать свою принадлежность к Европе, бывшие советские республики Эстония, Латвия и Литва пытались показать, что Россия не является европейской страной, или, по меньшей мере, является менее европейской, чем они сами. В свою очередь, стратегия России, очевидно, заключалась в том, чтобы выставить страны Прибалтики в роли паршивой овцы Европы⁵.

Во внешнеполитическом дискурсе сегодняшней России официальные мотивы политических действий Запада привычно не воспринимаются всерьез. Вместо этого предлагаются многочисленные «скрытые мотивы». К примеру, официальная аргументация бомбардировок Югославии силами НАТО в 1999 году, то есть предотвращение геноцида в Косово, была почти безоговорочно отвергнута. По мнению министра иностранных дел Игоря Иванова, бомбардировки были, напротив, мотивированы стремлением колонизировать Балканы, а Владимир Кужиков из министерства иностранных дел утверждал, что настоящей причиной было желание предотвратить поток беженцев. Однако такие «реалистические» аргументы редко выдерживают критику, так как они обычно не могут в полной мере объяснить, каким образом рациональные соображения личной выгоды могут, например, потребовать проведения дорогостоящей военной кампании, которая повлекла за собой поток беженцев. Таким образом, «реалистические» аргументы зачастую, скрыто или открыто, коренятся в целом ряде эссенциалистских измышлений о «природе» определенных народов – например, о «жестокости» романской и германской наций. Поэтому Вячеслав Морозов ввел термин «романтический реализм» для обозначения господствующего российского внешнеполитического дискурса⁶.

---

³ Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations*. L., 1996.

⁴ Morozov. *Inside/Outside ...*. P. 8.

⁵ Morozov V. *The Baltic States in the New Europe: a Neo-Gramscian Perspective on the Global and the Local // The Baltic States and their Region: New Europe or Old? / Ed. D.J. Smith. Amsterdam, 2005. P. 278.*

⁶ Morozov V. *Resisting Entropy, Discarding Human Rights. Romantic Realism and Securitization of Identity in Russia // Cooperation and Conflict. 2002. Vol. 97. № 5. P. 409-429, особенно P. 409-413.*

Наталия Нарочницкая, дитя холодной войны

Политик, историк и публичный интеллигент Наталия Нарочницкая (р. 1948) – типичный и влиятельный представитель романтического реализма. Самопровозглашенная нео-славянофилка, она также называлась панслависткой и сторонницей единой Европы⁷. Нарочницкая является ключевой фигурой в нескольких проектах «мягкой силы», поддерживаемых или инициированных Кремлем. Одним из них является Фонд исторической перспективы (ФИП) – аналитический центр национал-консервативного направления, целью которого является анализ с точки зрения интересов и ценностей России (в противоположность Фонду Карнеги и Фонду «Наследие» – организациям, которые ФИП рассматривает как представляющие исключительно интересы США)⁸. Другой – Институт Демократии и Сотрудничества, который стремится изучать политические системы США и Франции и «рекомендовать усовершенствования»⁹, а также Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

По своему семейному происхождению, образованию и профессии, Нарочницкая явно была частью советской элиты. Ее отец, член партии и выдающийся историк Алексей Нарочницкий, получил за свою работу Сталинскую премию, но позже столкнулся с препятствиями в карьере из-за чрезмерно патриотических взглядов¹⁰. Выпускница престижного Московского государственного института международных отношений, Нарочницкая работала в советском представительстве в ООН в Нью-Йорке в 1980-х. Неудивительно, что в то время она была членом коммунистической партии, хотя, вспоминая об этом, она утверждает, что это ни в коем случае не означало, что она безоговорочно поддерживала режим¹¹. Однако развал Советского Союза был поистине сокрушительным ударом для нее; в особенности она была поражена тем, что новая российская элита, как казалось

Это не означает, что реалистическая теория международных отношений исключает идеалистическое «органическое» понятие государства и/или нации. Напротив, реалистическая теория сама по себе исходит из подобного понимания государства (Palan R.P., Blair B.M. *On the Idealist Origins of the Realist Theory of International Relations* // *Review of International Studies*. 1993. Vol. 19. № 4. P. 385-399). Морозов хорошо осведомлен об этом и ссылается на Палана и Блэра, но он справедливо утверждает, что романтически-националистический элемент особенно силен в российском дискурсе, см.: Morozov. *Resisting Entropy...* P. 413.

⁷ Sidorov D. *Post-Imperial Third Romes: Resurrections of a Russian Orthodox Geopolitical Metaphor* // *Geopolitics*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 317-347, особенно p. 333.

⁸ О фонде // *Столетие*. <http://stoletie.ru/fip/>. Последнее посещение 08 мая 2009.

⁹ Osborn A. *Russia-Backed Think Tank to Study Western Democracy* // *The Wall Street Journal*. 18 January 2008.

¹⁰ Хевролина В. *История была его призванием: к 100-летию со дня рождения академика А.Л. Нарочницкого* // *Вестник Российской академии наук*. 2007. Т. 77. № 3. С. 245-249.

¹¹ Нарочницкая Н. «США очень болезненно относятся к восстановлению Россией своей роли» // *Inosmi.ru*. <http://www.inosmi.ru/world/20080731/242942.html>. Последнее посещение 05 мая 2009.

Нарочницкой, отвергла бóльшую часть российской истории¹². Она описывала, как в день распада Советского Союза она лежала на диване и рыдала.

Очевидно, этот опыт вдохновил ее на занятия политикой, и в 1990-х – начале 2000-х гг. Нарочницкая была одной из главных активисток разных (в основном недолговечных) патриотических партий и организаций. С 2003 по 2007 гг. она была депутатом Государственной думы от Блока «Родина» и членом российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы. Кроме того, Нарочницкая принимает участие в работе православных политических организаций и является одним из основателей Всемирного русского собора (ВРС) – международной организации под эгидой Русской православной церкви.¹³

Несмотря на публикацию нескольких книг и множества статей, ее фундаментальным трудом является *Россия и русские в мировой истории*¹⁴. Впервые книгу напечатали в 1996 году в престижном издательстве «Международные отношения» довольно большим (для пятисотстраничной исторической книги) тиражом в 5 тысяч экземпляров¹⁵. С тех пор она была переиздана пять раз. В этой книге Нарочницкая выражает свои взгляды на историю российских международных отношений, в основном с Европой и позже с США. В работе *Россия и русские* обнаруживаются основы идеологии автора. Принимая во внимание общественную позицию Нарочницкой и ее взгляды на ключевые темы, книгу можно рассматривать как попытку разработки господствующего российского дискурса о Европе в форме исторического нарратива.

Мировоззрение Нарочницкой

По всей видимости, самым сильным оружием Нарочницкой в ее словесном крестовом походе против Запада и в ее попытках исключить его из понятия «Европы» является смещение фокуса. Изучение истории международных отношений России через западные категории неизбежно представляет Россию ущербной. Вместо этого, получив возможность отказаться от исторического материализма (но совсем не отвергая весь массив советской историографии) и обретя доступ к ранее секретным архивам, Нарочницкая предлагает изучать историю международных отношений России с точки зрения религии.

---

¹² Проханов А., Нарочницкая Н. Россия – всегда империя // Завтра. 2003. № 26 (501). <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/03/501/21.html>. Последнее посещение 10 июля 2009.

¹³ В 1995 году умеренные члены ВРС отделились и сформировали Всемирный Русский Народный Собор, который, в отличие от ВРС, еще функционирует, см.: Прибыловский В. Всемирный Русский Народный Собор // Anticompromat.ru. 2009. http://www.anticompromat.ru/vrns/spr_vrns.html. Последнее посещение 08 мая 2009.

¹⁴ Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. М., 2003.

¹⁵ Nowak A. History as an Apology for Totalitarianism. 2009. <http://www.obta.uw.edu.pl/~zoja/NowakHistoryas.pdf>. Последнее посещение 21 февраля 2009.

С самого начала книги Нарочницкая обвиняет большинство западных, а также некоторых российских историков (и либералов, и марксистов) в редукционизме. Для нее движущая сила истории лежит в духовной сфере, а не в материальной и экономической. Используя светскую парадигму, западные и советские марксистские историки якобы игнорировали религию как мотивирующую силу среди, например, российских правителей – таких как Иван Грозный – и это привело к неверным взглядам на историю России. Это также является одним из основных возражений Нарочницкой историкам (в основном западным), которые, по ее мнению, оказываются не в состоянии понять важность религии. При использовании ее подхода, пишет она, этот пробел будет восполнен, так как ранее никто не прилагал значительных усилий для проведения подобного исследования¹⁶: «Исследование религиозно-философских корней внешнеполитических доктрин и идеологий вместе с конкретными событиями и поворотами истории позволяет понять формирование стереотипов в общественном сознании, которые в свою очередь воздействуют на политику. Такой подход позволяет убедиться, что в течение всего XX века в международных отношениях проявлялись одни и те же геополитические константы...»¹⁷.

Таким образом, будучи весьма озадаченной геополитическими вопросами, Нарочницкая занимает «мягкую» позицию в сравнении, например, с «классическими геополитиками», которые зачастую были склонны к географическому детерминизму. Нарочницкую более заботят идеи, которые, по ее мнению, являются решающими для хода истории. Наиболее фундаментальным мировоззрением выступает религия¹⁸. Как она полагает, идеологии или политические доктрины настоящего или прошлого даже в самых секуляризованных странах Запада можно объяснить через призму их религиозных корней¹⁹.

Рискуя чрезмерно упростить основные положения Нарочницкой, я полагаю, что их можно сократить до трех:

1. Страны Запада, в особенности англо-саксонские, были и остаются еретическими или безбожными, а их политикой в отношении России в основном руководит враждебность, страх и желание завоевать и уничтожить Россию.
2. Россия, несмотря на многочисленные упущения и ошибки, была защитником истинной веры вплоть до революции 1917 года, а ее российская политика исторически была гораздо более оправданной с моральной точки зрения, чем западная. Расширение российского государства за пределы «земли русской» было, по большей части, частью самозащиты и/или может быть обосновано международными законами.
3. Преобладающий образ России на Западе (как варварской, по своей природе экспансионистской и антидемократической страны) стереотипен и по своей

---

¹⁶ Нарочницкая. Россия и русские в мировой истории. Предисловие.

¹⁷ Там же. Предисловие.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 16.

сути ошибочен, отчасти по той причине, что самые важные исследования России необъективны. Эти исследования коренятся в еретическом и бесчеловечном мышлении и ложных представлениях и тесно связаны с геополитикой, то есть с желанием завоевать и уничтожить Россию.

Данный список можно было бы сделать еще короче, так как последний тезис исходит из первых двух. Я счел нужным сформулировать его отдельно – необходимость этого будет показана далее в статье. В сущности, я полагаю, что почти все прочие утверждения Нарочницкой можно рассматривать как производные данных положений. Благодаря последовательности ее взглядов, ее работа представляется одним большим доказательством ее положений. В некотором смысле, они выступают одновременно в качестве отправной точки и конечной цели практически всех ее текстов.

Религиозное измерение: моральный взгляд на историю

Два (три) основных положения, обозначенные выше, предполагают противопоставление «Россия против Запада». Будучи ее главной идеей, эта дихотомия требует дальнейшего разъяснения. Уже в предисловии к *России и русским* издатель сообщает читателю о том, что Нарочницкая рассматривает исторические международные отношения России как «перманентный конфликт православной России с Западом», и большинство ее работ изобилует яркими антизападными заявлениями. Но как она определяет «Запад»?

Нарочницкая характеризует отношения между Россией и Европой в Средние века как союз, основанный на христианских ценностях²⁰. Христианская вера для Нарочницкой является самой сущностью Европы. В телевизионных дебатах в 2007 году она отрицала всякую связь концепции Европы с либеральной демократией: «А Европа – это "Отче наш", прежде всего. [...] Вот что нас объединяет. И Нагорная проповедь. То, что человек действительно ценен, вытекает не из гражданского общества XX века, а из христианского учения»²¹.

Этот союз был разрушен, когда на Западе возникло религиозное мышление, в котором больше внимания стало уделяться человеку. В свою очередь, гуманизм Возрождения дал почву для возникновения рационализма Декарта. Непреднамеренно, продолжает Нарочницкая, его философия сделала бога излишним в западной эпистемологии, в то время как в византийском христианстве религиозное мировоззрение было сохранено. На Западе западное развитие в основном рассматривается как позитивное, ведущее к научно-техническому прогрессу, благополучию и свободе индивидуума. Но в православном подходе Нарочницкой это

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Нарочницкая Н. «Времена»: «Почему Россия не Европа». Стенограмма. 4 марта 2007 // Нарочницкая.ru. <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r400r070306184751>. Последнее посещение 1 июля 2009.

стало катастрофой, так как сделало человека чуждым богу. По мнению Нарочницкой, западное вероотступничество привело к нигилизму современной Европы, лишенной всех ценностей, по сути являющейся лишь «гигантск[им] хозяйственн[ым] предприятие[м] для удовлетворения плоти индивидов»²².

По этой причине, как считает Нарочницкая, Россия не является частью пост-ренессансной западноевропейской цивилизации, чье философское основание состоит из декартовской рационалистической философии, идейного багажа французской революции и протестантской этики труда и благосостояния²³.

Нарочницкая выступает против гоббсовской теории общественного договора, которую она рассматривает как одну из составных частей западной, секулярной концепции государства. Она четко разделяет, с одной стороны, «романо-германское» католическое Просвещение, которое она характеризует как в основном позитивное развитие, и, с другой стороны, англо-саксонское Просвещение, по отношению к которому она настроена резко негативно. Нарочницкая считает Томаса Гоббса, Джона Локка и Адама Фергюсона первыми преемниками кальвинистского мышления – теологии, которую она расценивает как чистую ересь. Эти философы в дальнейшем сделали вклад в развитие зачаточного индивидуализма (который следовал из догмы Кальвина о предопределении) в идею, что индивиды полностью автономны, «...не связаны ни духом, ни мирозерцанием, ни историческими переживаниями, ни едиными представлениями о грехе и добродетели, которые в христианском, особенно православном, толковании и делают из народонаселения нацию»²⁴.

Как, вероятно, уже стало ясно на данный момент, подход Нарочницкой далек от, например, социологии религии Макса Вебера. Расхождения между Россией и Западом – это не просто теологическое разногласие и его социальные и культурные последствия, но разногласие моралей, где Россия предстает высшей, а Запад – низшим. Система ценностей Нарочницкой устойчива, последовательна и биполярна, и даже является манихейской. Нормативные моральные соображения пропитывают ее труды. В ее суждениях об исторических процессах и политических действиях есть резкое, четкое разграничение между добром и злом. В некотором смысле, принимая на себя двойной авторитет историка и начитанного православного верующего, Нарочницкая возносит себя до уровня морального судьи. Можно утверждать, что ее моральный абсолютизм относится в равной степени к историческим событиям и к историкам. Отталкиваясь от принятия православия в качестве единственной истинной веры, она получает возможность предъявить оппонентам, возможно, наиболее серьезное обвинение: обличить их как еретиков.

---

²² Нарочницкая Н. Русский мир. М., 2007. С. 122.

²³ Нарочницкая. Россия и русские в мировой истории. С. 19.

²⁴ Там же. С. 80.

Как мы видим, это не только способ суждения о России в ее собственных, а не западных, терминах, но и способ суждения о Западной Европе на условиях России, в рамках которого Россия представляется превосходящей западный мир. В некоторой степени, это даже можно интерпретировать как притязание на универсализм – притязание на обладание высшими ценностями и правом определять Европу. В первых главах своей книги Нарочницкая концентрируется на общих корнях восточного и западного христианства и, следовательно, на общих корнях России и Западной Европы. Но она рассматривает пост-ренессансную Западную Европу как отступницу от истинного христианства и, соответственно, от Европы. По мнению Нарочницкой, после средневековья Европа римского христианства просто перестала существовать как Европа.

Геополитическое измерение: «Восточный вопрос»

В ходе истории антагонизм между Россией и Западом, по словам Нарочницкой, материализовался в геополитическое соперничество по так называемому «Восточному вопросу». В то время как «Восточный вопрос» в европейской истории обычно относится к проблеме распада Оттоманской империи в XIX и XX веках, Нарочницкая использует этот термин в более широком смысле – как географически, так и темпорально – для обозначения того, что она воспринимает как бесконечную борьбу за контроль над пространством между Балтийским и Черным морями. Она наделяет этот регион огромным значением, рассматривая его как главное поле битвы в вечном противостоянии «фальшивой Европы» и «истинной Европы» (используя термины Нойманна). Для стороннего наблюдателя эта почти навязчивая озабоченность может быть трудной для понимания. Для Нарочницкой, с другой стороны, «Восточный вопрос» – нечто большее, чем просто проблема оспариваемой территории. Его важность основывается на ряде взаимосвязанных факторов.

По мнению Нарочницкой, внешнеполитическая идеология Великобритании и позже США прочно основана на пуританизме. К примеру, британская империалистическая идеология Сесила Родса и американская мессианская идея «Явного предназначения» должны пониматься как прямое следствие пуританской мысли²⁵. Она рассматривает современную внешнюю политику США как результат слияния доктрины Монро, кальвинистской доктрины предопределения и веры в универсальный прогресс. Нарочницкая видит либеральную демократию не как универсальную ценность, но как американскую концепцию, которую она напрямую соединяет с верой в «Явное предназначение»²⁶. Демократизацию бывших

---

²⁵ Здесь Нарочницкая в действительности ссылается на Вебера и его социологию религии, см.: Нарочницкая. Россия и русские в мировой истории. С. 66-69.

²⁶ Там же. С. 80.

коммунистических стран Восточной Европы после распада Варшавского договора, таким образом, следует рассматривать не как путь освобождения или прогресса для стран, вовлеченных в этот процесс, но просто как реализацию англо-саксонского желания контролировать этот регион.

Нарочницкая критикует британского геополитика сэра Хэлфорда Макиндера за географический детерминизм, коренящийся в пуританизме²⁷. Тем не менее, она наделяет Макиндера значительным влиянием, считая его одним из главных идеологов англо-саксонской внешней политики по сей день. Также он уделяет особое внимание региону между Балтийским и Черным морями, контроль над которыми он в известном тексте провозгласил необходимым условием для контроля над «Хартлендом», который, в свою очередь, необходим для «командования» миром²⁸.

Но, по убеждению Нарочницкой, стратегическая значимость пост-Византийского пространства имеет также более объективное объяснение. Здесь она ссылается на российского географа Вениамина Семенова-Тян-Шанского (1870–1942)²⁹, который исследовал вопросы достижения влияния над той или иной территорией в ходе истории. Семенов-Тян-Шанский выделил определенный пояс вокруг земли, от экватора до 45 градуса северной широты, в котором климатические, топографические и биологические условия наиболее благоприятны для культурного развития. Географ полагал, что пояс через «три средиземноморья» (европейское Средиземноморье с Черным морем, Китайские моря с Японским и Желтым морями и Карибское с Мексиканским заливом) способствовал развитию наиболее оригинальных и сильных цивилизаций и государств. Народ, который мог завоевать один из этих регионов, считался, вследствие ограниченного географического воображения тогдашнего времени, «господином мира». Семенов-Тян-Шанский утверждает, что с тех пор ничего не изменилось: «господином мира» является тот народ, который владеет одним или более «средиземноморьем» и прилежащими землями³⁰.

Панславист Николай Данилевский известен, помимо прочего, своей теорией «культурно-исторических типов» и взглядом на отношения между Россией и «романо-германской Европой» как неразрешимый конфликт. Источниками этого антагонизма, объясняет Данилевский, выступают культурные и религиозные различия, а также цель Великобритании подчинить себе азиатский континент³¹. Нароч-

---

²⁷ Там же. С. 147.

²⁸ Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. Washington DC, 1996. P. 106.

²⁹ Не путать с его отцом, более известным географом Петром Семеновым-Тян-Шанским (1827–1914).

³⁰ Семенов-Тян-Шанский В. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии // *Русский обозреватель*. 2008. <http://www.rusobr.ru/library/913>. Последнее посещение 02 июля 2009.

³¹ Данилевский Н. Горе победителям! // *Хронос*. 2009. http://www.hrono.ru/libris/lib_d/gore1.html. Последнее посещение 03 июля 2009.

ницкая вслед за Данилевским полагает, что географически эти противоречия «замечательнейшим образом спутываются в один узел на Босфоре, в Дарданеллах и в Константинополе»³².

Таким образом, Запад якобы ненасытен в своем желании контролировать пост-Византийское пространство. Это желание можно объяснить с помощью двух «внутренних» (или субъективных) и двух «объективных» мотиваций. Субъективные мотивации представлены религиозно-психологической (пуританская убежденность в том, что Западу самой судьбой предопределено управлять миром) и географически-психологической (англо-саксонское признание пост-Византийского пространства как ключа к мировому господству). «Объективные» мотивации относятся к естественным наукам (географическое объяснение Семенова-Тян-Шанского) и к гуманитарным наукам (теория «культурно-исторических типов» Данилевского). Так, пост-Византийское пространство является очень важным, «объективно» выражаясь, и чрезвычайно важным для Запада. Если согласиться с этими пунктами в представлении Нарочницкой, Запад неизбежно становится экспансионистским. Тем не менее, коктейль из аргументов, обосновывающих, казалось бы, уже постулированный «врожденный экспансионизм» Запада («фальшивой Европы»), раскрывает цикличную замкнутость романтико-реалистической логики Нарочницкой.

Историческое измерение: неисторическая историография

Нарочницкая обвиняет западных историков и писателей (Ричарда Пайпса, главным образом) в нежелании или неспособности изучать идеи и политические действия в их оригинальном контексте, чтобы выяснить «как было на самом деле». Она представляет их жертвами либо виновниками идеологизации в том смысле, что они проецируют свои (гегемонные) убеждения на Россию³³. Подобным образом, им вменяется в вину главный грех историка – анахронизм. Изучая их мотивации и истоки убеждений, Нарочницкая стремится выявить ложность их положений, представляя их как ненаучные.

Хотя политические мотивы и полемическая позиция автора не скрываются, книга *Россия и русские* позиционируется как научный труд, а на веб-сайте издателя представлена в категории «История». Но как обозначено во вступлении к этой статье, ее подход далек от подходов беспристрастного историка. По мнению Нарочницкой, Запад находился в противоречии с Россией, по меньшей мере, со времен Великого раскола христианской церкви (1054 г.). Объяснение этого конфликта несет четкое клеймо догмы, которая направляет интерпретацию и пред-

---

³² Нарочницкая. *Россия и русские в мировой истории*. С. 151. Цит. по: Данилевский. *Горе победителям!*

³³ См.: Нарочницкая. *Россия и русские в мировой истории*. С. 120.

ставление Нарочницкой всех исторических событий. Идеей фикс кажется объяснение проблем России как следствия враждебности Запада по причине культурных и, главным образом, религиозных различий, а также западного экспансионизма.

Наиболее явными индикаторами этой идеи выступают зачастую натянутые исторические параллели Нарочницкой, надуманность которых смягчается лишь тем фактом, что они полностью согласовываются с «внутренней логикой» ее романтико-реалистического взгляда на международные отношения. Типичной иллюстрацией служит проводимая ею прямая параллель между предложением Рима Александру Невскому в середине XIII века и ультиматумом НАТО Югославии в 1999 году: «Рим [...] в 1248-м, а затем и в 1251 году предлагал Св. Александру Невскому, при условии принятия католичества, свои покровительство и помощь против монгол тех самых рыцарей, от которых Благоверный князь только что очистил русскую землю. Можно привести много исторических примеров подобного искусительства, включая шантаж перед агрессией НАТО против сербов, коим католическая, ныне либеральная, Европа сопровождала свое участие. *Как сатана-соблазнитель говорила она одряхлевшей Византии: "Видишь царство сие, пади и поклонись мне и все будет твое"*»³⁴.

Фраза, выделенная курсивом, говорит сама за себя. Очевидно, это одна из любимых строк Нарочницкой, так как она использовала ее несколько раз: к примеру, после смерти Слободана Милошевича, и в антиглобализационном контексте³⁵. Цитата («Видишь...») написана в библейском тоне и, скорее всего, является ссылкой на искушение Христа в Евангелии от Матфея (4: 8-9) и от Луки (4: 6-7). Однако предыдущее предложение (так же как и следующее) показывает, что фраза была скопирована без ссылки из панславистского трактата Данилевского *Россия и Европа* 1871 года. Данилевский относит библейскую цитату к неудавшемуся союзу Восточной и Западной церковей в 1439 году и к попыткам заручиться поддержкой Византии против Османской империи³⁶. Как мы видим, Нарочницкая свободно применяет аналогию к некоторым другим историческим ситуациям. Лейтмотив *России и русских*, то есть конфронтация Запада и России, наделяется дополнительным измерением, так как Запад напрямую приравнивается к Сатане, а Россия видится в образе Христа.

Нежелание различать Великобританию раннего колониального периода и США XXI века, когда оба государства называются «англо-саксонскими», также показательно для романтического реализма Нарочницкой. Подобные сомнительные исторические параллели и использование более или менее устаревших тер-

³⁴ Нарочницкая. *Россия и русские в мировой истории*. С. 115. Мой курсив.

³⁵ Нарочницкая Н. Он не хотел торговать Сербией // Памяти Слободана Милошевича. 2006. <http://www.slobodan-memoria.narod.ru/st/otklike1.htm>. Последнее посещение 03 июля 2009; она же. Когда же придет настоящий день? // pravos.org. 2006. <http://www.pravos.org/docs/doc285.htm>. Последнее посещение 11 июня 2010; она же. Россия и славяне в эпоху перемен // Золотой лев. 2006. № 75-76. http://www.zlev.ru/75_198.htm. Последнее посещение 15 июня 2009.

³⁶ Данилевский Н. *Россия и Европа*. М., 2011. С. 382.

минов для обозначения недавних феноменов способствует минимизации или даже стиранию различий между историческими ситуациями и событиями. Как это ни парадоксально для «исторического труда», это может быть самоцелью – продемонстрировать, что хотя мир может казаться изменившимся, на самом деле все осталось по-прежнему. В таком случае, в *России и русских* конфликт между Россией и Западом кажется неизбежным фактом.

Нарочницкая прочно полагается на свой авторитет профессионального историка, в то же самое время делая все возможное, чтобы лишить подобного авторитета западных историков. Тем не менее, она использует историю для конструирования образа врага, в своей сущности неизменного, даже транс-исторического. Несмотря на преимущественно хронологическое изложение Нарочницкой, на высшем, возможно, семиотическом уровне, исторические события и явления выступают как исторические манифестации неких вечных характеристик. Например, в ее мировоззрении экспансионизм становится качеством, имманентным Западу. Таким образом, становится невозможно разделить историю и историографию. Нарочницкая представляет не только историю, но и историографию как манихейскую борьбу, в которой, если принять ее взгляды в их логической крайности, она права, а ее оппоненты – еретики.

Заключение: невозможное приглашение

Как и приверженцы реалистической школы международных отношений, Нарочницкая предлагает взгляд на нации/государства (или группы наций/государств) как на органически цельные организмы, которые – подобно людям – преследуют свои «рациональные» интересы. Однако, как романтический националист, какой она, по всей видимости, и является, она приписывает – по меньшей мере, косвенно – некоторые врожденные качества этим нациям (или группам наций). Ее общий подход, то есть скорее политический взгляд на русское православие, делает ее определение Европы негибким и абсолютистским.

В работах Нарочницкой Запад, будь то представленный римским императором, папой, НАТО или современными историками, выставляется как воплощение пороков или даже Зла. Это можно проиллюстрировать следующими дихотомиями:

Добро	Зло
Истинная Европа	Фальшивая Европа
Россия/(Восточные) славяне	Англо-саксы
Восточное христианство	Западное христианство/либерализм
Православие	Ересь
Православие (метафорическое)	Ересь (метафорическая)
Истина	Ложь
История	Миф
Религиозная перспектива	Светская редукционистская перспектива
Моральность	Имморальность
Добродетель	Порок

На таком фоне, ее повторяющиеся «приглашения» – из которых, возможно, наиболее примечательное прозвучало в Сорбонне в 2008 году, о «конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской, и славянской, Европы латинской и Европы православной»³⁷ – звучат абсурдно³⁸. Неразрешимый российско-западный конфликт, представленный приведенными выше дихотомиями, не только результат исторического исследования Нарочницкой. Это та самая призма, через которую она видит мир. Это неизбежно представляет ее образ Европы в абсолютистских категориях, делая диалог с ней невозможным.

Перевод с английского: Антон Шеховцов

³⁷ Нарочницкая Н. Будущее России – это будущее Европы. Лекция, прочитанная в Сорбонне // pravoslavie.ru. 2008. <http://pravoslavie.ru/smi/845.htm>. Последнее посещение 15 июня 2010.

³⁸ Эта фраза приводится и в других местах, к примеру, в книге Нарочницкой *Великие войны XX столетия* (С. 223).